

УСТАЛОСТЬ ОТ КУЛЬТУРЫ КАК ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Л. А. Закс

Гуманитарный университет
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается мало пока исследованный, но все более обращающий на себя внимание в разных сферах современной социокультурной жизни феномен культурогенной усталости и особенно главная, по мнению автора, ее разновидность: усталость от культуры (УК). Целью статьи является постановка проблемы исследования УК и общая характеристика настоящего явления. Статья базируется на констатации существования и влияния усталости от культуры не только в наше время, но и на протяжении всей истории человечества. Что и объясняет необходимость его всестороннего культурологического исследования. Анализ усталости от культуры строится в статье на пересечении ее феноменологического рассмотрения и анализа ее культурогенной природы и генеалогии. Осмысление особенностей феномена УК строится на сравнении биогенной и культурогенной усталостей. Что позволяет в последней выделить — наряду с усталостью тела и психики, существующих и в «натуральной» форме, — содержательно и функционально центральный для нее духовно-смысловой план. Рассматривается непростая диалектика отношений духовного содержания УК и ее психологических форм. Именно семантическое ядро УК, взятое в единстве с ее психологическими формами (переживательными состояниями), порождает прагматику УК — ее духовно-психологические и практические (поведенческие) следствия, где и обнаруживает себя серьезное влияние УК на сознание и бытие общества и человека. В качестве причин рождения УК в статье выделяются три: конфликтные отношения культурного и природного начал в обществе и человеке, выражаемые в осмысленной еще Фрейдом репрессивности культуры по отношению к природному в человеке; особенности функционирования самой культуры (его повторяемость, монотонность и т. п.), рождающие утомление в людях, их отталкивание от культуры; усталость самой культуры и ее компонентов, индуцирующая усталость в их акторах. Генетические связи с культурой, в сущности, и определяют место УК в жизни людей, особенности ее существования и влияния. Далее в статье рассматриваются важнейшие

предикаты УК: пространственные и временные в их многоаспектности и единстве, а затем — динамические. Отношение УК к движению, что в свете ее социокультурной природы означает его отношение к деятельности, имеет парадоксальный характер. Статья обсуждает этот парадокс: усталость, казалось бы, должна вести к угасанию деятельностного начала в усталых от культуры людях, но на деле, наоборот, оборачивается — на основе негативной энергии неприятия и отталкивания от культуры — различными формами активности, как ментальной, так и практической. Предлагается объяснение этого парадокса, уходящее корнями в ценностно-смысловое ядро УК. Рассмотрение динамического плана УК включает и осмысление важной функциональной ее особенности: взаимодействия и переходов разных генеалогических оснований УК, создающих многоуровневость и многоэтапность «механизма УК». Эта особенность создает не только сложность феномена, но и его особый системный характер: сложные отношения УК с социокультурной системой общества, ее своего рода иррадиацию в хронотопы последней.

Ключевые слова: усталость, культурогенная усталость, усталость от культуры, культурная усталость, причины-основания рождения усталости от культуры; семантика, психологические формы и прагматика усталости от культуры; хронотопы усталости от культуры, деятельностный характер усталости от культуры.

Для цитирования: *Закс Л. А. Усталость от культуры как феномен социокультурной жизни: постановка проблемы и общая характеристика // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 23–47. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.014*

FATIGUE FROM CULTURE AS A PHENOMENON OF SOCIOCULTURAL LIFE: PROBLEM STATEMENT AND GENERAL CHARACTERISTICS

L. A. Zaks

Liberal Arts University — University for Humanities
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article explores the phenomenon of culturogenic fatigue. It is currently underresearched but increasingly attracts attention in different areas of sociocultural life. The paper focuses on its main variety: fatigue from culture (FC). The article aims to formulate the FC research problem and to characterize this phenomenon. The author assumes that fatigue from culture is not novel and has been in place throughout the entire history of humankind. And it explains the need for its comprehensive cultural examination. The base for the FC analysis is at the intersection of its phenomenological review and the scrutiny of culturogenic

nature and genealogy. Comprehension of specific features of the fatigue from culture phenomenon is possible by comparing biogenic and culturogenic fatigues. It allows for singling out in the latter — along with the tiredness of the body and psyche that exist in their “natural” form — a spiritual and semantic plan, which is substantively and functionally central for it. The author considers the complex dialectic of relations between the FC spiritual content and its psychological forms. It is the FC semantic core taken in unity with its psychological forms (emotional experiences) that breeds the pragmatic of FC, — its spiritually psychological and practical (behavioural) consequences, where the major influence of FC on the consciousness and existence of society and a person reveals itself. The author distinguishes three reasons for the FC birth. The first is conflict-driven relations of natural and cultural principles in society and man, expressed in the repressiveness of culture towards the natural in man, reflected on by Freud. The second one is the peculiarities of the functioning of the culture itself (its recurrence, monotony, etc.), provoking weariness in people, their repulsion from culture. Finally comes the fatigue from the culture itself and its components, which induces fatigue in their actors. In essence, a genetic linkage with a culture determines the place of FC in human lives, specific features of its existence and impact. The article proceeds to consider the essential FC predicates: spatial and temporal in their multidimensionality and unity, and then — dynamic ones. The FC attitude to the movement, which in the light of its sociocultural nature means its attitude to activity, is paradoxical. The article discusses this paradox: fatigue would seem to lead to the vanishing of the activity principle in people tired of culture. But in fact, everything turns out the other way round: based on the negative energy of rejection and repulsion from culture, fatigue transforms into various forms of activity, both mental and practical. The author proposes an explanation of this paradox, rooted in the value-semantic core of FC. The consideration of the dynamic plan of FC also involves reflecting on its important functional feature: the interaction and transitions of the FC different genealogical foundations that create a multilevel and multistage “mechanism of the FC”. This feature generates not only the complexity of the phenomenon but also its special systemic character: the intricate relations of the CF with the sociocultural system of society, kind of irradiation into the chronotopes of the latter.

Keywords: fatigue, culturogenic fatigue, fatigue from culture (FC), cultural fatigue (CF), reasons-grounds for the birth of FC, semantics, psychological forms and pragmatics of FC, chronotopes of FC, activity character of FC.

For citation: Zaks, L. A. (2021), “Fatigue from Culture as a Phenomenon of Sociocultural Life: Problem Statement and General Characteristics”, *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 23–47 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.014

Эта статья посвящена усталости. Но усталости особой. Не хорошо известной физической или тоже вполне привычной современным людям в силу их постоянных «организменных» (трудовых и нервных) нагрузок психической

(о них см., например: [Моссо 2010; Рассел 2015; Чутко, Козина 2015]). Речь пойдет о культурогенной усталости = *усталости от культуры*, ее свойств, структур и функций, процессов и результатов. Эта усталость стала характерной культурной чертой рубежа XX–XXI вв. Что чутко уловил в самом начале нашего века Б. Гройс: «Ссылка на усталость, пожалуй, одна из основных риторических фигур нашего времени. <...> По-видимому, усталость сегодня — чувство не столько персональное, сколько глубоко укорененное в нашей культуре» [Гройс 2003, с. 51]. Ее приметы находим сегодня не только в искусстве (например, в фильмах К. Муратовой, поэзии И. Бродского, рефлексиях композитора В. Мартынова) и философии (Ж. Бодрийяра, Э. Чорана). Реклама лекарства супрадин отмечает, что 80 % российских женщин жалуются на усталость. С уст политологов слово «усталость» просто не сходит. Недавняя книга К. Кобрин дает обобщающий образ современной культурогенной усталости, закрепленный в ее названии [Кобрин 2020].

Понимание значимости усталости от культуры для нашего времени, но также и осознание ее исторической универсальности заставили меня много лет заниматься ею. Здесь я предлагаю читателю только постановку вопроса и общую характеристику этого явления.

Одно предварительное замечание перед этим совершенно необходимо. Выше, говоря о культурогенной усталости, я сослался на политологов, что может у многих вызвать недоумение: какое отношение может иметь политика к усталости от культуры?! И в этом — традиционное узкое понимание культуры: либо как сферы искусства, либо, более широко, — как сферы духовной, или сферы «смыслов», или как системы производства, накопления и трансляции людьми необходимой для совместной жизни информации. Я же понимаю культуру предельно широко: как *не-природу* = как всё, что создано людьми, всё, что в их жизни можно отнести к генетически и онтологически «искусственному», включая и саму созидающую культуру деятельность, и созданные ею свойства и способности самих людей, и, что очень важно, социальность, т. е. совместность существования людей и обеспечивающие ее структуры социума (в классификации автора это особая, социально-организующая подсистема материальной культуры (см. об этом: [Закс 2016; Закс 2013])).

Итак, наряду с естественной, наступающей в силу природных закономерностей усталостью, соматической и психической, существует культурогенная усталость, вызываемая теми или иными явлениями культуры, а точнее, отношениями (взаимодействиями, «работой») людей с последними. Обобщая, можно говорить о присущем людям и обществам особом типе усталости, вызываемом самим существованием и функционированием культуры. Я предлагаю называть его *усталостью от культуры* (далее — УК).

Надо уточнить: речь не о том, не вызывающем сомнения, факте, что поскольку взаимодействие с любым элементом и структурой культуры

на любом ее «участке» требует человеческих сил, затрат/растрат энергии, как материальной, так и ментальной и духовной, то такое взаимодействие, или культурная практика как *труд*, на всей территории культуры ведет к усталости *трудящихся*. Тут в хронотопе культуры мы имеем дело с обычной, «здоровой» усталостью культурогенного характера как закономерным, «нормальным» следствием энергозатрат деятелей, продолжительного напряжения их духовных, психических и телесных сил в процессе культурной деятельности и использования необходимых для нее культурных ресурсов. Так, человек, роющий яму с помощью кирки и лопаты, тратит силы не только на усилие копания и убирания земли (что чувствуют и осознают все), но также и на использование определенной технологии этих действий, на управление (контроль и регуляцию) ее осуществлением (что владеющими такой технологией практически не осознается). Человек, решающий дифференциальное уравнение, не только тратит силы на собственно достижение искомого результата, т. е. на математические действия-преобразования посредством определенного алгоритма, но и на усилия по контролю за его верным, точным и корректным применением. И преодолевается такая усталость, как всякая «трудовая», классическим способом: восстановлением сил посредством отдыха или (что иногда то же самое) сменой деятельности. УК же — нечто иное. Это тоже закономерные, но нежелательные, негативные последствия, так сказать, издержки качества культуры (ее составляющих). Тут дело не в неизбежных «всеобщих», нормальных для любой активности и абсолютно необходимых трудозатратах, а в несовершенстве, неэффективности, с точки зрения самих субъектов — нерациональности, бессмысленности и даже чуждости и враждебности этим субъектам культурных элементов и структур, вызывающих дополнительные, избыточные и ненужные, затраты сил. УК — именно от них.

Будучи неизбежным и (в масштабе культуры) универсальным следствием ее деятельного существования и противоречий последнего с возможностями и потребностями «актеров» культуры, УК столь же неизбежно оказывается значимой особенностью, специфицирующей культурно-психологической «краской» и влиятельным фактором социокультурной жизни. И я предполагаю, что многие существенные и просто интересные события и изменения в истории, включая и жизнь современных обществ, происходят, кроме иных причин, и в силу накопленной УК. Поэтому и необходимо понять феномен УК, его место и роль в социокультурном целом, как синхронном, так и диахронном. Аспектом этой цели является также понимание других вариантов-разновидностей культурогенной усталости, прежде всего тесно связанной с УК *усталости культуры, или культурной усталости (КУ)*. Здесь же, прежде чем анализировать различные аспекты «проблемы УК», необходимо дать общий взгляд на УК, иначе говоря, зафиксировать ее основные общие свойства.

Усталость от культуры (УК) — коллективное и личное духовно-психосоматическое состояние, рождаемое в результате дисфункций и противоречий в отношениях между людьми (их природными и культурными свойствами, способностями и потребностями) и социокультурой (конкретными социокультурными явлениями) в процессе функционирования последних. Выражается УК в исчерпании, ослаблении или даже утрате энергии/силы потребностей и способностей субъектов жить по «законам» социокультуры (понимаемой, напомним, как все «сверхприродные», «искусственные», созданные самими людьми основания их жизни) и ее конкретных сфер, использовать в качестве средств собственного общественного и личного существования культурные (культурогенные) программы, «инструменты» и формы. И это ослабление или утрата энергии, обобщенно говоря, позитивного отношения к культуре и/или к ее конкретным феноменам, их притягивания (прежде всего, доверия к ним и потребностей в них) ведет к различным формам безразличного, а чаще негативного к ним отношения, отталкивания от них и, в конечном счете, к отказу от их практического «исполнения»-использования, существованию на иных (инокультурных или внекультурных = некультурных = природных) основаниях.

Опускаемый здесь анализ дает представление о сложном, многоуровневом психосемантическом составе и структуре УК. Ее основа и ядро — усталость в узком, буквальном смысле слова как психофизическое, психосоматическое состояние растраты, исчерпания «рабочего», энергетического потенциала, утомления = упадка физических, психических и духовных сил человека или социальной группы в поле и, главное, в результате отношений с культурой, со-бытийного (онтологического) единения с ней, «исполнения» ее. Состояние это означает (кратко- или долговременную) утрату энергетических возможностей (а значит, и потребностей) осуществлять определенные виды деятельности, поступки, отношения. Предельная степень усталости, подчиняющая все стороны человеческого существа, ведет к необратимым изменениям в существовании, к полной невозможности его материального, психического и духовного продолжения, что означает смерть (в фильме С. Мирошниченко «Слово» (2008) Н. Д. Солженицына, рассказывая об уходе своего великого мужа, довольно быстром в своей финальной фазе и при этом тихом и спокойном, безболезненном, говорит: «Он просто устал жить»). С небольшой долей метафоричности мы можем и смерть коллективных, надывидуальных социокультурных явлений (и субъектных, вроде общественных групп, коллективов, и инструментально-структурных, вроде институтов разного масштаба от государства до малых любительских организаций) связывать с их собственной полной/предельной усталостью: исчерпанностью всех собственных деятельностных (энергетических, технологических, ментальных и духовных) ресурсов и стимулов, определяющей дальнейшую невозможность плодотворных действий, выполнения даже минимальных жизнеобеспечивающих

функций, полную дезадаптацию явления в окружающей его среде. За редким исключением (вроде необратимого урона, вызванного действием природных стихий) несомненен культурогенный характер такой смертельной усталости.

Но УК не сводится к своей психосоматической энергетической основе. Последняя — именно потому, что вырастает из отношений с миром культуры, существует в отношениях с ней, в поле ее влияний и в (прямых или опосредованных) проекциях на нее: на ее конкретные проявления и «тотальность» — сама становится «культурно-содержательной»: «обрастает» множеством субъективно содержательных = смыслопереживательных состояний, получает — в контексте отношений с культурой (к культуре) — эмоциональный («душевный») и идейно-смысловой (духовный) планы. А к многообразию духовно-эмоционального целого УК примыкают из него же вырастающие — в силу побудительного характера самих переживаний — поведенческие (в широком смысле) реакции на культуру (волевые устремления и поступки). Первый аспект культурного содержания есть *семантика* УК, второй его аспект — вызываемые УК реакция и действия тех, кто ее «испытывает», — это ее *прагматика*. И правомерность «приложения» к УК этих категорий семиотики, возможность и (даже) необходимость ее семиотической интерпретации объясняются теми же «базовыми», «субстанциональными», сказали бы философы, отношениями усталости (УК) и культуры. Культура не только порождает содержание УК, но опредмечивает, материализует и выражает его вместе с самой УК, отдавая ей, в ее «распоряжение», свои материалы и свои формы. В результате УК превращается, при всей своей имманентной «неуловимости», «ускользаемости», нематериальности, кажущейся беспредметности, в своеобразный культурный текст, несущий информацию как самим носителям УК, так и всей социокультурной реальности, несомненно, оказывающий на них особого рода сигнально-побудительное воздействие.

Коротко о причинах рождения УК. Представляется, что она рождается по трем основным генетическим «линиям».

Первая: в результате «злоупотребления» культуры своей властью в процессе решения собственных сущностных задач, т. е., в самом предельном случае, как следствие репрессивного воздействия культуры на людей (что одним из первых осмыслил З. Фрейд [Фрейд 2010]) — практики подавления/нейтрализации природного в людях (того, чего тотально подавить нельзя, никогда не удавалось). Впрочем, всегда ли можно и стоит говорить о злоупотреблении, т. е. определенном «переборе» (количественном и/или качественном) в функционировании культуры? Возможно, этот вариант вернее было бы определить иначе: УК как результат непереносимости культурного (в его собственной властной логике и активности) для природного в людях, проблематичности их совместимости или даже просто несовместимости. Такова, например, вся многоплановая работа, а точнее говоря — непримиримая, настойчивая борьба

официальной культуры Средневековья с императивами человеческой биологии, человеческого тела. И хотя практически все ресурсы той культуры, от идейных и тонко психологических до материальных (политических, юридических, «карательных»), были брошены на поддержку этой культурной доминанты (идеи фикс) Средневековья, «естество» брало свое, и не только в разных, часто прихотливых, тайных, стыдливых и превращенных (а то и в извращенных) формах торжествовало, но и постоянно приводило к рождению, пусть часто глубоко запрятанной и не всегда осознаваемой, УК. Результат такой УК — отталкивание природного от культурного, сопротивление первого второму и, как правило, временное торжество природного, его победа над культурным («взрывы» стихийности, животности, агрессивности, аномии с подавлением и, пусть временной, делигитимацией укорененных и привычных культурных свойств, ненормативным удовлетворением естественных потребностей). Такова, по сути, вся концептуализированная М. М. Бахтиным карнавальная культура Средневековья и Ренессанса, хотя в ней отрабатывались и иные аспекты УК, растущие не из противоречия культурного и природного. Последнее означает, что исходная посылка (культурное vs природное) явно не исчерпывает «пункта»: иногда господствующая культура подавляет и неблизкие ей аспекты самой культурной природы человека, его культурные способности и потребности (так, карнавальная культура компенсирует не только подавленную телесность, витальность, но и подавленную социальную свободу, преодолевает феодальный иерархический гиперпорядок).

Вторая генетическая линия, ведущая к рождению УК: УК — «естественное» (психологическое, чаще всего) следствие самого *функционирования* культуры, того, что можно назвать *культурной инерцией*, когда культура еще не утратила дееспособности, не исчерпала свой собственный смысловой и энергетический ресурс и потому интерес определенных социальных субъектов — своих «заказчиков», но уже своими «данностями» (содержаниями, порядками, процессами воздействия) утомляет субъектов, одновременно не удовлетворяя каких-то актуальных потребностей. Самая элементарная и едва ли не первой выходящая «из тени» в таких частых ситуациях — потребность в рецептивно-информационном разнообразии или, что почти одно и то же, в психологической свежести и новизне, ибо, как сказано Пастернаком, «придается всё». То, что придается, перестает удовлетворять названным потребностям и быть субъективно *интересным*, становится скучным и начинает утомлять (= рождение УК). Тогда феномен культуры — источник однообразия, утраты интереса, скуки и/или других негативных состояний-факторов утомления — становится, как минимум, ненужным, воспринимается как негативно значимое излишество (содержательно: ложное или пустое), навязчивое по отношению к человеку (так это субъективно воспринимают сами люди), а потому надоедливое и утомительное. Так, например, устают от еще «бойких» и полных самомнения, но

уже не удовлетворяющих новым социальным запросам или даже только лишь новым умонастроениям политических структур (партий, парламента, выборных процедур, конкретных политиков, идеологических кампаний и лозунгов, всей политической системы, наконец) = усталость от политической системы и политики. Так, рано или поздно, приедаются и надоедают эстетические феномены быта (конкретная мода) или искусства (конкретный стиль, интонация, пафос, риторические фигуры и даже конкретные сюжеты и персонажи-героикумы) — не только и подчас даже не столько оттого, что устарели по сути, а в силу чрезмерно частого «употребления», рождающего духовно-психическую усталость, на что чуткая на «спрос» и в этом смысле «мудрая» массовая культура отвечает постоянным производством новых «историй» и новых кумиров.

И третья линия рождения УК: когда сама культура, ее конкретные элементы и структуры переживают серьезный кризис, причем культура не только накапливает, но и принципиально, мировоззренчески осознает опыт неудач, нерешенных проблем, тупиков, катастроф, разочарований и иных форм духовной и психологической репрезентации собственного кризиса и реагирования на него. Иначе говоря, тут встречаются и взаимоотражаются две «рифмующиеся» составляющие общего состояния культуры. С одной стороны, реальное исчерпание ею деятельностных, творческих сил, упадок ее способности отвечать на вызовы жизни, т. е., фактически, упадок ее *жизнеспособности*. Что имеет разные практические и духовно-психологические выражения, пронизанные общим смыслом, тоном, энергией/антиэнергией упадка сил — усталости в разных сферах жизни, общим «усталым» мироощущением (о чем и мне приходилось писать задолго до рождения концепции УК (см.: [Закс 1990])), утратой или упадком, редукцией «энергонесущих» структур коллективной и индивидуальной субъективности: воли к жизни и творчеству, воодушевления и деятельностного бесстрашия, способности к напряженному и продолжительному усилию (по М. Мамардашвили, важнейшему компоненту полноценного духа — свободного сознания). Утратой больших, вдохновенных и вдохновляющих, ведущих к масштабному практическому действию духовно-эмоциональных состояний («всемирно-историческое воодушевление», по Марксу и Энгельсу; «жизненный порыв», по Бергсону; «пассионарность», по Л. Н. Гумилеву), интереса к будущему и способности его «конструировать» и инициировать, вообще аттрактивности в духовной сфере. С другой стороны, чуткое самосознание культуры становится концептуальной репрезентацией ее собственного кризиса, мировоззренческой моделью ее бессилия перед лицом нарастающих проблем и напряжений жизни, ее внутренней исчерпанности, в том числе энергетически-волевой. Культура, тем самым, осознает собственный кризис и делает из этого обобщающие мировоззренческие и практически-поведенческие выводы, объединенные ценностным критичизмом, а то и негативизмом и релятивизмом, пессимизмом, стратегиями его

преодоления или идеями принципиальной непреодолимости, фатальности упадка и т. п. Это и есть состояние *усталости культуры* (КУ) как ее интегральная духовно-психологическая и практически-поведенческая характеристика (а в энергетически-волевом плане «усталость» уже и не метафора, а точное обозначение внутреннего состояния культуры). И эта имманентная культуре усталость порождает — вместе с общими настроениями упадка, краха, апокалипсиса, нравственного и вообще ценностного нигилизма (негативизма), цинизма и т. п. — и УК, выражающуюся как в отрицании *этой культуры* (как источника и «тела» болезни) или даже, реже, *культуры вообще*¹, так и в творческих попытках создания новой культуры: новых ценностей, форм и нового мироощущения, веры и т. п., в том числе и новой энергетики, нового тонуса, новой, согласной со здоровой «природностью» *витальности*. Авангард первой трети XX века в искусстве — ответ на такой кризис [Zaks 2017]. Сегодняшняя культура в лице постмодернистского сознания и практики и — в форме радикальной реакции-отталкивания — негативистских (нигилистических, «контркультурных») вариантов в полной мере выражает и воплощает свою собственную КУ, накапливая тем самым и ее следствие — УК рубежа XX–XXI вв. И негативистское проявление-«преодоление» ее мы видим невооруженным глазом в жизни (многие варианты экстрима и экстремизма) и искусстве (правда, это именно преодоление в кавычках, ведь «голый» негативизм преодолевает усталости культуры и от культуры иллюзорно, а фактически только закрепляет КУ и УК). А вот попыток «новостроя» культуры, подлинного и масштабного авангарда пока не так много. Отсюда состояние «межеумочности», «зависание» между прошлым и будущим, духовное безвременье на фоне революции в технике и технологии. И взрыв ретроспективизма, иллюзорных форм опыта, попытки реанимации религиозного мировоззрения, мистики, эзотерики и др. паллиативов — «на безрыбье», что называется. Гуманитарные науки разбираются с собой. Может, разобравшись, они чего-нибудь предложат культуре и человеку? Не только в качестве альтернативы упадку постмодерна, но и «обществу потребления»...

Вырастая из названных (и между собой, несомненно, взаимосвязанных) источников, УК становится одним из «свойств»-предикатов сложного социокультурного организма общества. Существенным, хотя и не всегда вполне заметным и осознаваемым *состоянием его тела, души и духа*. Каковы онтологические и иные особенности-свойства этого состояния?

Логично начать с *пространственно-временных* его особенностей-«измерений», в свою очередь «тянущих» за собой иные, «смежные» с ними качественные характеристики. Уже сказанное об УК позволяет говорить

¹ Чем масштабней и глубже кризис, тем более реакция на конкретную культуру становится критикой/отрицанием культуры вообще = порывом «назад к природе».

о ее *разномасштабности*. С одной стороны, разномасштабность **пространственная в синхронии**: УК охватывает социокультурные системы от очень локальных их сфер, ограниченных, но специфических «пространств» (точнее, конечно, хронотопов) конкретных элементов, структур и функциональных механизмов социокультуры до состояния всеохватного, универсального, **всесферного** и, соответственно, **всесубъектного** = социокультурно всеобщего (это еще один аспект масштабности, но, видимо, тесно связанный с первым: субъекты ведь всегда, так или иначе, «сферно» локализованы). Понятно, что пространственно всеохватная для социума УК — более серьезное и влиятельное состояние, чем любая локальная форма усталости.

Но для полной ее «укорененности» и влиятельности нужно взять еще один аспект («измерение») (разно)масштабности УК: **временной**. Он сам разноаспектен. Как минимум, два аспекта стоит здесь выделить. Время как историческая (историко-генетическая) рамка, или историческое «пространство», рождения и действия УК любого масштаба. Аспект, обычно называемый *диахронией*. И время как собственное измерение — функциональное свойство самой УК: продолжительность ее созревания и продолжительность собственно функционирования, или действия.

Начну с *исторического* измерения: к какому времени может относиться явление культурогенной усталости? Даже краткого очерка причин ее рождения достаточно, чтобы понять, что эти причины исторически универсальны и, значит, усталость может возникать и возникает в культуре всех времен, всех исторических типов, начиная с первобытной, архаической. Здесь можно также выйти за рамки диахронной типологии культуры: универсальные причины делают культурогенную усталость в любую историческую эпоху в равной мере присущей и всем другим значительным типологиям культуры: этнической, региональной (географической), социально-групповой, гендерной и профессиональной. Скажем, история знала культурные эпохи откровенной дискриминации женщин, что непременно рождало усталость и отталкивание женщин от маскулинной по своей гендерной доминанте культуры. В определенных культурах некоторые профессии, как и этносы, подвергались ограничениям, экономической эксплуатации, дискриминации и репрессиям, что вело их носителей, а также поддерживавших их представителей других, даже господствовавших, культур к духовной, психической и физической усталости. Как есть у любой культуры (соответственно, у ее носителей) время подъема и расцвета, так неизбежно наступает и время «заката», упадка, что неизбежно сопровождается утратой энергии физической, психической и духовной, а значит, и состоянием усталости (Данилевский, К. Леонтьев, Шпенглер, осмыслившие цикличность истории и развития культур, хотя и не говорили прямо об УК, но показывали, как в процессе старения и умирания культур утрачивается их энергия, растрачиваются их силы, падает духовная плодотворность,

производительность; Леонтьев скорбел об утрате «цветущей сложности», Шпенглер — об отступлении усталого духа под натиском энергий все более активной материальности и т. п.).

И **функциональное время** самой УК, к какой бы сфере или типологии она ни принадлежала. УК может быть состоянием «внезапно» наступающим и длящимся ограниченное время — тогда это своего рода «вспышки» УК, временные флюктуации от нормы (= временные «патологии») — с достаточно скорым возвращением к норме. Возможно (и даже наверняка), я ошибаюсь насчет «внезапности» появления УК. Скорее, мы имеем дело с ее неосознаваемым появлением и накоплением, потом «вдруг», в силу перехода незримой меры — границы возможностей терпения осознаваемой, артикулируемой и рефлекслируемой. Но действующей — «обременяющей» субъектов сравнительно недолго, исчерпываемой разными путями, даже естественным «самоисчерпанием» слабости/бессилия в результате отдыха или их вытеснением, компенсацией другими культурными активностями. Другой полюс — это УК, копящаяся большой (длительный или насыщенный событийно, деятельностно, информационно) период времени и уже поэтому «глубокая» и проникающая во все поры общественного организма и его коллективную психологию, укореняющаяся в индивидуальных мироощущениях людей. Эту «долгую», или хроническую, УК автоматически не избыть и не преодолеть — весь строй жизни и фундаментальные ее культурные основы или, как минимум, ценностно-мировоззренческие структуры духовной культуры надо менять. Тут-то, как правило, и соединяются «время» и «пространство»: т. е. накопленная (+ аспект содержания: затрагивающая и представляющая глубинные основы культуры) УК может охватывать, причем «всерьез и надолго», многие, в пределе — все сферы социокультурной системы. Налицо *кризис культуры*. Причем в его существенном проявлении: когда внутренние проблемы культуры (дисфункции, противоречия, запаздывания, проявления неэффективности и т. п.) влияют на состояние сознания и практики ее субъектов-носителей, потребителей и пользователей, становятся негативно осознаваемыми ими, порождая либо своего рода стагнацию деятельностных сил, начиная с эмоциональной апатии, безразличия ко всему существенному, проблемному, сложному, и своеобразного паралича воли к действию, творчеству, переменам, либо ее, культуры, отрицание, неприятие, отталкивание, активное желание и решимость сбросить ее бремя и создать что-то новое или (предельная ситуация) отказаться от культуры вообще. Такие кризисные ситуации, вызывающие хроническую УК и ее духовно-психологические и практически-поведенческие последствия, не редкость в истории мировой культуры, совпадающей с историей человечества. XX век знал несколько таких кризисов в начале, первой и второй половине и, наконец, на исходе своем и в начале текущего века. И самый всеохватный, до сих пор продолжающийся кризис такого рода с участием мощной хронической УК и новой, но весьма глубокой

УК, современными социокультурными условиями рожденной, переживает постсоветская Россия. Ну, а вспышки ситуативных УК рождались в обществах прошлого и «прошивают» социокультурный организм современного общества постоянно. И это, несомненно, объективная закономерность и, так сказать, обратная сторона исторического функционирования и развития культуры и общества, цивилизации людей на Земле.

Именно поэтому описанный здесь кратко аспект УК важен не только в связи с необходимостью его осознания и учета: описания и систематизации, объяснения всех модификаций. Тут мы еще и изучаем (получаем возможность изучить) механизмы пока не очень понятной социокультурной «усталой» — точнее, конечно, *усталостной* — причинности: определенные локальные виды УК разного генеза, а тем более рождаемые в результате взаимодействия и интеграции всех этих видов и порождающих их причин «долгоиграющие» УК имеют серьезные, нередко глубокие и всеохватные последствия, влияя на другие сферы и порождая своего рода «эпидемию» УК, ее лавинообразный рост и углубление, распространение по всему телу социума. Или, даже сохраняя свой предметно локальный характер, все равно влияют (прямо или опосредованно) на, говоря гегелевским языком, «общее состояние мира», наполняя его усталостью, разочарованием, апатией или ожесточением, агрессивностью.

Характер функционального бытия УК во времени, ее неоднородную, многокомпонентную функциональную структуру можно показать на характерном для наших дней примере различных форм экстремального социального поведения, порожденного, мне представляется, именно УК: от поведения футбольных болельщиков-фанатов до индивидуального вооруженного разбоя, все чаще становящегося проблемой общественного порядка, коллективной и личной безопасности граждан.

Весь мир периодически потрясают как будто спонтанные вспышки эмоций нетерпимости и ненависти «обычных», как правило, заурядных людей (= «обывателей»), выливающиеся в стрельбу на поражение по сослуживцам, одноклассникам, родственникам. Особенно часты такого рода «психические срывы» в США. Так, летом 2012 года в Денвере (Колорадо) во время премьеры последнего фильма о Бэтмене один молодой человек начал стрельбу и прицельно убил семь человек и многих ранил. В конце 2012 года еще одно страшное преступление того же типа было совершено в американском городке Ньютауне: молодой человек убил мать, а потом из ее оружия расстрелял 20 школьников и 6 учителей в соседней школе, после чего застрелился. Такого рода случаи принципиально отличны от продуманной акции «правого» экстремиста Брейвика, расстрелявшего более 60 человек, а перед этим взорвавшего бомбу в центре Осло. Брейвик действовал убежденно и планомерно, руководствуясь своими взглядами. Убийца же в Колорадо (Джеймс Холмс) и многие ему подобные другие руководствовались, как правило, определенным, пусть и устойчивым,

эмоциональным состоянием — состоянием возмущения и ненависти в сочетании с переживанием главенства собственного желания и собственной свободы («хочу и могу»). Нечто похожее (не по результату, конечно, — по «механизму») происходит и в нередких случаях разгула футбольных болельщиков после проигрыша любимой команды: мощная негативная эмоция и вызванная ею фрустрация находят практически неконтролируемый выход в разнузданно-агрессивном (девиантном и даже делинквентном) поведении болельщиков, нападающих на людей и материальные ценности и крушащих всё на своем пути, теряющих малейший страх перед запретами и угрозой наказания.

Мне кажется, что во всех этих случаях важным фактором-основанием подобного поведения были не только сильные негативные эмоции, фрустрация, но и утрата либо временное «отключение», прекращение работы того, что, «сидя» в человеке, предотвращает совершение им антиобщественных, преступных, антигуманных поступков, такой как бы паралич сдерживающих центров (норм, смыслов, чувств, образцов, опережающих образов, репрезентирующих будущие последствия нарушений обычая, морали и правовых норм). И это имеет прямое отношение к усталости от культуры. Потому что все эти «центры» и структуры, определяющие, что человек остается в пределах человеческого (санкционированного культурой) способа существования (поведения) независимо от своего психофизического и умственного состояния, независимо от властных (властвующих или пытающихся властвовать над ним в данное время) негативных или позитивных эмоций, являются приобретенными *элементами культуры*, и логику культуры в себе несут и сохраняют. Прекращение их функционирования, если оно не связано с медицинской патологией и неменяемостью, в этом случае может определяться состоянием *усталости от культуры и от ее конкретных элементов*, возможно — кратковременным. Но достаточным для доминирования некультурных — природных и антиобщественных — сил.

Более внимательное всматривание в случаи типа «болельщиков» позволяет предположить некую «многоступенчатую» систему УК, где одна ступень передает в процессе повседневности работу другой, как бы перетекает в нее, если не порождает = вызывает ее к жизни. Тут, как минимум, два, а то и больше, уровня УК. Первый уровень: вначале это усталость от повседневности с ее монотонностью, предсказуемостью и концентрирующей/выражающей этот наскучивающий и утомляющий порядок нормативностью (чем отличается жизнь в благополучных странах «золотого миллиарда»). Лекарством от этой УК в официальной, легитимной культуре оказываются маскультовские индустрии, так или иначе от приевшихся/надоевших и утомительных режимов и норм временно освобождающие и позволяющие снять усталость от них (= отдохнуть). Одна из таких индустрий — игровые виды спорта. Обратите внимание на популярность таких спортивных зрелищ, которые несут в себе выход

за рамки бытовых ограничений, в частности по насилию и запретам всякого рода. Это, прежде всего, так называемые «ударные» боевые искусства: кикбоксинг, тайский бокс, карате, тхэквондо, а также бои без правил, современные варианты бокса. Важно, что тут возникает особая субкультура со своим хронотопом и своими порядками, т. е., по сути, жизненным миром — что и помогает (уйти из надоевшего), но и рождает иллюзии автономии, «дружости» и свободы от опостылевшей реальности. Второй уровень: тут начинается «жизнь в новой реальности» с ее «инакостью» и иллюзиями освобождения. И здесь обнаруживается более конкретная следующая ступень УК. Третий уровень: ослабление рациональности участвующих и ослабление (в них) силы, авторитета, влияния, а главное — императивности некоторых норм. Например, контроля за собственными эмоциями, неприкосновенности частной жизни других, ненасилия, не говоря об условности игры и ее правил. Общая УК транслируется и трансформируется — не только под ее собственным влиянием (иногда много более серьезным, чем осознают сами субъекты и «надзорные» структуры), но уже и под влиянием самой реальности масскультурной (популярной, ставшей культовой, как футбол!) индустрии. Выстрелы в актеров в театре все-таки всегда исключение, курьез. А драки болельщиков и даже нападения на судей, другие формы хулиганства во время и после матча — уже, пожалуй, норма. Тут есть еще фактор «чувства локтя», «круговой поруки», особой солидарности, в целом, можно сказать, «антикультурного» (антинормативного), а проще и понятней говоря, — *хулиганского конформизма*. «На миру и смерть красна».

Понятно, что у убийцы-одиночки мотивы и основания другие. Точнее — иные «системы отталкивания»: самые радикальные. Соответственно, и самые радикальные прагматические следствия (и последствия) УК. Но ведь и не имеющие в «замесе»/замысле столь страшных последствий мотивы, интенции и помыслы «тиффоци» тоже нередко ведут к таким же страшным следствиям: так срабатывает многоступенчатая система УК и «отключает», отменяет казавшиеся непреложными культурными инстинктами «запреты и предписания» = культуру.

Итак, локальные взрывы негативных эмоций, агрессия и деструктивные формы поведения «выдают» тут и там, у тех людей и групп или у других наступающую УК; сама повторяемость таких отклонений и их массовость свидетельствуют о перманентном, «хроническом» наступлении/актуализации УК. Целый пласт (класс) криминальных поступков (преступлений), совершаемых спонтанно — в состоянии «аффекта», не подготовленных заранее и не имевших никаких рационально-корыстных оснований, также связан с УК².

² Но также, вполне возможно, с несформированностью культурных навыков, отсутствием сдерживающих — контролирующих поведение центров; тогда об УК говорить не приходится, конечно: нельзя устать от того, чего нет.

Начиная разговор о спонтанных вспышках УК, ведущих к криминальным последствиям, я отделил их от подготовленного «системой взглядов» и планомерно осуществленного преступления Брейвика. Однако теперь возникла кажущаяся правдоподобной гипотетическая идея: а почему, собственно, «случай Брейвика» надо выводить за пределы моей темы? Он, конечно, более сложен, чем импульсивное поведение (даже массовое). Но ведь и в случае преступных взглядов-убеждений, к которым субъект приходит постепенно, кроме осмысленного, «идейного» разочарования в цивилизованных, предложенных и одобренных культурой ценностях и технологиях, рационального убеждения в их неэффективности и ложности, мнимости, антиценности и т. п. может иметь место вполне «иррациональная», накопленная в массе негативного опыта в «неэффективном» культурном мире (и уже выше выделенная, кстати) глубокая и долгая УК. С накопления этой УК как органического внутреннего состояния и может ведь начинаться отталкивание от культуры, разрушительная «умственная», идейно-сознательная работа культурного нигилизма. Как и, кстати, «некриминальные» формы критических политических практик, также ориентированные на преодоление (разными путями) не удовлетворяющей более и утомившей культуры. Впрочем, эту гипотезу надо тщательно анализировать, потому что тут видна возможность безграничного разрастания феномена УК (в теории).

Еще одна «итерация» УК: *масштаб самого субъекта-носителя усталости*. В своем непосредственном существовании усталость — это состояние конкретного организма, или субъективности. То есть и УК в своем непосредственном виде — это состояние конкретных индивидов, единичных субъектов. Однако хорошо известно, что сходные социокультурные условия порождают и сходные свойства, структуры и процессы в бытии, организме, ментальности и сознании определенных множеств людей. Точно так же и УК и/или КУ становятся коллективным состоянием, охватывают массы людей. При этом конкретный человек и даже группа людей может приобщиться к состоянию УК опосредованно — через влияние-воздействие других людей. Ясно, что таким образом вряд ли передается физическая/телесная усталость, а вот духовно-психическая УК, как и КУ, вполне транслируема в процессе коммуникации и суггестивного воздействия одних субъектов на других. В качестве примера можно привести случаи волнообразного распространения «эпидемии» самоубийств — несомненного случая глубокой духовно-душевной усталости, всегда, разумеется, связанных и реализуемых в определенном культурно-психологическом контексте. Так, предромантическое мироощущение конца восемнадцатого века было важным контекстом-условием влияния трагического образа Вертера, чье самоубийство привело к целой группе самоубийств чувствительных читателей/читательниц повести Гёте (о самом Гёте говорили, что он спасся от суицида, написав «Вертера»). Поражение Японии во Второй мировой войне «запустило»/

актуализировало волну харакири среди японских офицеров и даже штатских лиц, не только потрясенных катастрофой своей страны, но испытывавших утрату смысла и психосоматической энергии как необходимых условий нормального деятельного существования. Здесь огромную роль сыграл традиционалистский характер японского имперского общества, обеспечивавший высокую степень идентификации общественного (государственного) и личного. В отличие от Японии поражение нацистской Германии такой волны суицида не породило: индивидуалистическое немецкое общество с высоким уровнем «приватного» сознания к концу войны уже отделило себя от верхушки рейха как в плане личной ответственности за его преступления, так и в аспекте переживания катастрофы, утраты смысла и сил существования: не только умирать вместе с фюрером и его присными, но и сидеть в тюрьме за них даже близкие к руководству люди (генералитет, чиновники, дипломаты, юристы) явно не хотели.

От пространственно-временных и смежных с ними характеристик УК перейдем к ее *динамическим* характеристикам: отношениям с движением — еще одним атрибутом всякой реальности. Отношения УК и движения кажутся изначально внутренне противоречивыми и уже потому проблематичными. С одной стороны, общая сущность усталости — исчерпание энергии, утрата сил, а с ними возможности и желания/потребности действовать, изменять. То есть усталость — в принципе — состояние пассивности = бездеятельности. С другой стороны, мир людей, мир культуры — сплошь — деятелен (как точно заметил еще молодой Маркс, «что такое жизнь, если она не есть деятельность?»). И тот его аспект, который можно было бы назвать «миром культурогенной усталости», тоже отнюдь не пассивен, внутренне напряжен, и это напряжение не может реализоваться никак иначе, кроме как в деятельности. Так, все психические состояния, независимо от масштабов своей «энергетичности», существуют, согласно концепции Выготского — Леонтьева, как деятельностные состояния — некие формы активности психики. И «усталостные» состояния (от апатии и скуки до меланхолии, не говоря о раздражении, неприятии, отталкивании, протесте) суть определенные формы активности души и духа.

Но все же как это реально возможно: активность, рождаемая в состоянии, по определению, отсутствия возможностей деятельности, отсутствия ее необходимых оснований? В самом деле, если силы исчерпаны и энергия «на нуле» или близко к тому, то откуда же она берется для переживаний и, тем более, для поступков? Теоретически это невозможно (по крайней мере, на первый взгляд). Эмпирически — имеет место. Приведенные выше примеры говорят не просто об активности — о, можно сказать, взрыве соматической, психической (здесь, прежде всего, эмоционально-волевой) и духовной энергии. Откуда же она берется, если на «входе» ее нет?

Не знаю точного ответа, но имею гипотезу, требующую подключения смыслового плана УК. Его составляют актуализируемые переживаниями

(что, собственно, и делает их смыслами) ценностные значения культурных объектов-оснований усталости для усталого сознания (всей субъективности) в поле-контексте экзистенциального напряжения между ними. Спектр этих значений-смыслов (на деле это континуум) располагается по оси, центром которой является нулевая точка — точка отсутствия ценностного отношения (значения), а значит, напряжения, а значит, и энергии «субъекта». В противоположные от нуля стороны простираются зоны положительных и отрицательных значений (все ценностные отношения, как известно, тяготеют к бимодальности: польза — вред, добро — зло, прекрасное — безобразное). Смысловой план УК, естественно, располагается в зоне отрицательных значений. Но этот содержательный план УК, ценностно-информационно репрезентирующий собственно энергетическое состояние усталости (его можно назвать *духовно-смысловой УК*), сам, в свою очередь, порождает не энергетический вакуум, а «отрицательную» энергию негативного (критического) отношения к культуре (конкретным культурным сферам и феноменам), внутреннего самоотделения, отстранения, обособления, отчуждения, отталкивания от нее. Тут мы, напомним, имеем дело с произвольной внутренней позицией (человека или группы), изначально «аутентично» существующей не как мыслительная конструкция, концепт, идея, а как органическое экзистенциальное духовно-психосоматическое состояние. В отличие от усталости физической и даже психической, как таковых, духовная (ценностно-смысловая) усталость (от культуры и от чего угодно) не есть буквально «нулевая» степень истощенности и растраченности ее смысловой энергии. Природа духа, как и вообще сознания, действительно, не терпит пустоты, и его «свято место», воистину, пусто не бывает. Там, где растрчена, опустошена энергия позитивного отношения, где родилась и укоренилась усталость духа, там вместе с ней — как ее ментальная «внутренняя» форма — рождается отрицательное энергетическое пространство, заполненное разных оттенков и градусов негативными смыслами. Вместе с которыми (как необходимый для их оформления и выражения) существует изоморфный им спектр переживательных состояний, иногда сиюминутно-ситуативных, а иногда устойчивых и обобщенных (= духовных чувств и умонастроений), непосредственно ощущаемых и переживаемых их носителями (язык не поворачивается назвать их «субъектами» — настолько «объективно», не выбрано ими, а «выбрало их» и овладело ими это состояние). Что делает эти состояния много более доступными, осознаваемыми и понятными для их носителей, чем формирующие и наполняющие их, скрытые-растворенные в них «смыслы». Именно поэтому наши состояния, в том числе и усталостные, из «формы» существования смыслов, «уловимых» как раз только посредством этих сливающихся с ними переживательных состояний, превращаются в главное содержание УК и отдают смыслам свое имя. «Скучно». «Грустно». «Меланхолично». «Тяжко». «Невыносимо». Все это уже не только структурированный сгусток эмоций,

фиксированное устойчивое психическое состояние (чувство, умонастроение), но и внутренняя сущность, самоценный смысл последних (который ведь есть не что иное, как — воспользуюсь удачным выражением неогегельянца XIX века Фишера — «объект для нас и состояние нашего субъекта»). И отсюда, как нетрудно видеть, предмет-стимул последующих реакций, внутренних и внешних движений. Если «скучно», то хочется от этой скуки уйти, перешагнуть через нее, сменить на нечто более живое, увлекательное, ведущее к приливу энергии, к подъему душевных и духовных сил. Таково родившееся именно из такого, к тому же поименованного, состояния духовно-душевное движение О. Мандельштама: «И до чего хочу я разыграться, / Разговориться, выговорить правду, / Послать хандру к туману, к бесу, к ляду...» А если «тяжко» и, тем более, «невыносимо», то в таком состоянии жить почти невозможно, с этим нужно что-то срочно сделать, нужно освободиться от негативной власти-тирании этих состояний. Так из несогласия с собственным переживанием, с его, говоря сказанными по другому поводу словами Мандельштама, «тяжестью недоброй» и ее причиной рождается энергия негативного отношения к собственной УК. Энергия ее снятия-преодоления, ментального или практического отрицания негативной зависимости, питающей усталость и неотделимой от нее. Как у того же Мандельштама, находящего в себе силы для волевого отталкивания от предельной ситуации, казалось, полного исчерпания сил — если еще не физической, то, уж точно, духовно-душевной смерти как следствия полнейшего социального отчуждения и изгойства: «Я должен жить, хотя я дважды умер»; «Еще не умер ты, еще ты не один, / Покуда с нищенкой-подругой / Ты наслаждаешься величием равнин / И мглой, и холодом, и вьюгой...» А это уже «прагматика УК».

При всем внутреннем разнообразии весьма контурно представленного здесь смыслового плана УК, у него есть ценностный общий знаменатель. Мне кажется наиболее близкой и точной для передачи последнего метафора *амортизации*. А точнее — *ценностной амортизации*. Эмоциональная и даже физическая, телесная грани УК, мне думается, суть следствия изъянов и утрат, прежде всего духовно-смысловых, а в своей глубинной первопричине — сущностных отношений человека с культурой. А именно жизненно-практических противоречий, преломляемых и опосредуемых коллективной и индивидуальной психикой «духовно-когнитивно»: нравственно, эстетически, мировоззренчески, экзистенциально. Люди могут не понимать, откуда берется их чувство усталости при общении с культурой или ее конкретными явлениями, почему ощутимо падает психосоматический тонус и, наоборот, растет затрудненность в этом общении. Но они чувствуют и осознают снижение позитивной значимости культуры (в сущности, мира человека = собственного мира!) для себя, ее ценностный износ, уценку, девальвацию, ее обесмысливание и омертвление. При этом они могут вовсе не сознавать культурогенного характера

обесценившихся и даже ставших негативно значимыми явлений. Это и есть амортизация, ценностная амортизация, рождающая чувство растроченных сил, истощения позитивной и некогда активно побудительной энергетики — чувство усталости. Маяковский писал об «амортизации души» — износе, опустошении и усталости художественного сознания в мучительном процессе творчества. УК — результат износа, девальвации и, если хотите, опустошения отношений субъектов с миром культуры.

Отсюда и такие составляющие УК как психологического феномена: принужденность, вынужденность, навязанность, насильственность отношений с культурой, переживание ее «потустороннего», чужого, репрессивного характера и, наконец, отчуждение от нее: психологическое и экзистенциальное дистанцирование, самоотделение, сознание чуждости, инородности (если не враждебности) культуры либо, чаще, ее конкретных феноменов. Они теперь неинтересны, не волнуют или волнуют негативно, то есть угнетают. УК связана с перенасыщенностью психосоматики и духовного мира людей культурой, пресыщенностью ею. Она или ее конкретные явления, стороны, свойства теперь лишние. Они теперь «надоели», тяготят и мешают, стали веригами, кандалами, содержательно обесмыслились, аксиологически и онтологически стали отрицательно значимы. Их больше, чем нужно. Их — уже — не нужно! Без них — кажется — лучше. Их бы, хоть на время, «взять и отменить», забыть, от них бы освободиться. Например, от «этих» или «тех» норм, институтов, порядков, слов и символов, действий и отношений (так, тотально отчужденный герой «Парада планет» В. Абдрашитова на вопрос, почему он все время молчит, отвечает: «Не о чем говорить... Обо всем переговорено. Все в общем известно. Устаешь от слов»). Но, еще раз, это — следствия усталости, «надводная часть айсберга»: спонтанная органическая (и вполне можно сказать — организменная) реакция на нее, выражающая «невыносимость»/непереносимость ее источников. А определяющий их главный внутренний «план» УК, репрезентированный духовно (смыслами), психически (эмоционально-волевым настроем) и соматически (состоянием габитуса: мышечно, гуморально, сердцебиением, дыханием), — энергетический, «силовой»: падение духовно-психосоматической энергии позитивного восприятия и переживания культуры, практических отношений с ней. На нее буквально *нет сил*. Причем это «нет сил» растет из уже названных взаимодополняющих, сопряженных истоков. С одной стороны, переставшая быть эффективной, человекообразной и гуманной, в то же время сама от себя уставшая, воспроизводящая и множачая усталость в мире людей и утомившая собой, надоевшая людям культура не вызывает подъема созидательных сил, не стимулирует позитивной энергии отношений. С другой стороны, поскольку этой приевшейся культуры (в восприятии того, кого она утомила и кому надоела) много, слишком — избыточно! — много, она начинает подавлять, отвращать. И, таким образом, множит свой отрицательный

смысл и, соответственно, отрицательную энергию — энергию отрицания. Пассивного или активного. Что выводит проблему отношений УК и деятельности за пределы внутреннего хронотопа первой в смежный с ней хронотоп прагматики УК.

«Мир усталости» экстравертен: обращен в породившую его реальность и, взаимодействуя с ее компонентами и субъектами, так или иначе стимулирует, индуцирует, порождает определенную деятельность людей и даже, нередко, целых коллективов. УК оказывается связана с различными вариантами социокультурной *активности*, выступает как их качественно определенное содержание и подтекст, так и, в другом отношении, как их основание-причина и стимул, «толчок». Выше уже были показаны «запускаемые» УК цепочки деятельностных следствий. Примеры касались крайних, агрессивных практических вариантов прагматики. Ими прагматика УК не исчерпывается. К ней следует отнести также внутренние, духовно-психологические следствия УК, подобные описанным Пушкиным типичным состояниям Онегина: апатию, скуку, сплин, хандру, ностальгию, меланхолию; и более определенные и активные в своем негативном отношении к миру, его неприятию: раздражение, резиньяцию, ресентимент, критические сомнения, протест, открытый нигилизм и прямую ненависть — всё, что в своем критически-смысловом «реактивном» инварианте можно было бы выразить словами пронизанной глубоким разочарованием и (отнюдь не чисто соматической) усталостью песни В. Высоцкого: «Всё не так, ребята!»

А в рамках практических форм реализации УК все тоже не сводится к радикальным, по сути криминальным формам отрицания культуры и/или ее конкретных сторон. Есть и множество других, вполне «пристойных», некриминальных и даже неполитических способов отталкивания от УК и, далее, ее преодоления. Одним, и весьма эффективным, выступает искусство, через механизм мимесиса позволяющий адресатам-реципиентам произведения пережить (иллюзорно или, как теперь говорят, виртуально) выход за пределы утомившей культурной реальности — поучаствовать в другой, художественной реальности происходящих девиациях. Известный фильм (черная комедия) Марко Феррери «Большая жратва» (1973) — это гротескно гиперболизированная репрезентация повседневности «общества потребления», в которой герои доводят себя до самоубийства путем переедания. Многочисленные натуралистические сцены непомерного обжорства щедро дополняются сценами сексуальными. В результате картина дает образ пресыщенных потребительским существованием, уставших от него (и идущих от него «вниз», в смерть) людей и, одновременно, позволяет зрителям, также уставшим от благополучной сытой повседневности, хотя бы ненадолго освободиться от ее плена, пережив гротескный выход за пределы нормативных «мер» потребительской культуры. Нормативные перевертыши — и эмоциональная встряска от них — таков

типичный путь отталкивания от УК и ее преодоления в любых, в том числе художественных, практиках.

Наконец, самой продуктивной формой отталкивания и, фактически, практического изживания-преодоления УК выступает созидание иных, альтернативных рождающим усталость, типов культуры или конкретных культурных феноменов. Мир, создаваемый во время карнавала, — вместо официального средневекового. Молодежная субкультура (контркультура) — вместо приевшейся буржуазной. Примеров такого рода разного масштаба и эффективности история культуры дает во множестве.

Но если УК не исключает деятельности, а, наоборот, выступает особым деятельностным состоянием, то не означает ли это, что сам термин-понятие УК можно поставить под сомнение? Я убежден, что оснований для этого нет. По нескольким причинам, каждая из которых оказывается существенной чертой специфики УК. Тут я, по сути, собираю воедино и резюмирую уже сказанное.

Итак, первая, и важнейшая, констатация: УК — особое явление-состояние людей в мире культуры, но, тем самым, и самой культуры, по своей феноменологии и социокультурным следствиям существенно отличное от «натуральных» форм усталости (притом что и в УК — каждом его конкретном проявлении — есть своя «натуральная» психосоматическая составляющая). Как видел читатель, в отличие от натуральной психосоматической усталости, ведущей к пассивности, «торможению», внутреннему опустошению людей, усталость от культуры (= усталость в пространстве культуры и по поводу культуры, рожденная самой культурой) оказывается зоной, наоборот, стимулирующей и порождающей возбуждение, энергоактивной, «реактивной», говоря языком синергетики — аттрактивной. К уже сказанному об этом парадоксе УК можно добавить следующее.

Во-первых, надо понимать, об исчерпании каких внутренних ресурсов людей и групп идет речь и что применительно к ним означает концепт «усталость». Это предлагаемые и даже навязываемые культурой цели, ценности/смыслы и способы активности, нормы, работающие как образцы, императивы и стимулы активности людей. Их сила (императивность) коренится, обобщается и накапливается в позитивном практическом опыте и сопряженной с ним энергии человеческого (социально-группового) доверия, признания, пиетета-авторитета, субъективной осмысленности-оправданности, информационном ореоле-ауре безусловности, необходимости, полезности, справедливости, блага, сакральности, экзистенциального смысла. УК и связана, прежде всего, с растратой-утратой этой содержательной (субъективно: смысловой) энергии. С девальвацией (девалоризацией) культурных оснований и форм активности и отношений людей с культурой, что тоже есть форма растраты, в данном случае — ценностно-смысловой. Все эти вызывающие УК растраты — обратная сторона накопления отрицательного (контрпродуктивного) социального

опыта, обладающего не только негативным информационным содержанием, но и определенной весомостью, или тяжестью, переживание которой, обладание или, если хотите, духовно-психосоматическое «несение» (ср. выражения: «непереносимо», «не выношу») которой и ведет к утомлению, растрате энергии людей. Нетрудно понять, что это, по сути, означает противоречие и конфликт человека как субъекта и как объекта культуры. И усталость, о которой идет тут речь, — это именно усталость от существования, давления, даже насилия субъективно обесмыслившихся, ставших «пустыми» и ненужными, но продолжающих вторгаться в сознание и жизнь людей и диктовать им компоненты культуры.

Почему же это внутреннее самоисчерпание культурных ресурсов не приводит (не приводит) коллективы и индивидов в состояние торможения, не редуцирует их деятельностный комплекс, т. е. социокультурную их жизнь, до состояния полной психосоматической усталости (чего можно было бы ожидать): до «заморозки», остановки, пассивного прозябания, полного и глубокого «организменного» анабиоза?

Здесь все-таки надо сказать то, чего пока не было сказано. Есть (может быть) та предельная степень исчерпания энергии в отношениях людей с культурой = предельная степень их внутреннего опустошения-усталости, когда действительно наступает, обобщенно говоря, *анабиоз* индивидуальных и групповых субъектов. Но не биологический, а *социокультурный*, означающий существенную редукцию или даже (предельное кризисное состояние!) полную утрату субъектности и принужденность-пассивность общественного существования людей, сведенного к «самоовеществлению»: элементарному самообеспечению, примитивной утилитарной «заботе о себе». Но это, повторю, крайняя степень кризиса и УК. В остальных же случаях УК, наоборот, парадоксально стимулирует разные варианты направленной на эту девалоризированную реальность культуры (или, наоборот, «от» этой реальности: по логике контраста и отталкивания) активности. Две взаимосвязанные причины объясняют этот парадокс. Об одной уже сказано выше: исчерпание, или амортизация, значимости конкретных культурных ресурсов, а с какой-то точки зрения — значимости определенного типа культуры и даже «культуры вообще» совершенно не отменяет, а, наоборот, многократно обостряет «толкающую» и *мобилизующую* творческие способности субъектов силу насущных *потребностей* коллективов и людей. А это всегда, так или иначе, необходимость (и желание, стремление) менять мир, адаптировать его к себе и совершенствовать (= потребность осваивать мир, творить, находя решения насущных проблем). И тут первая причина органично переходит во вторую: у людей — существ культурных — конкретные потребности и базовая для их удовлетворения потребность в оптимальных отношениях с миром находит продолжение в глубокой, органической, сущностной, хотя и не всегда осознаваемой потребности... в культуре! Освоение мира, решение

любой насущной проблемы имеет своим неперенным, необходимым условием созидание культурных оснований-предпосылок для этого, т. е. *культуротворчество*. Что и значит, что УК — такое культурно-психологическое состояние коллективных и индивидуальных субъектов, когда культура глубоко утомила их собой, своим существованием и воздействием-влиянием-давлением на них, и это рождает необходимость/потребность в обновлении старой или даже в иной, новой культуре, стимулирует и порождает новое *культуротворчество*. А в определенных случаях УК порождает потребности и попытки выхода за пределы культуры вообще! В зоны, так сказать, не-культуры, к каковой можно отнести: 1) природу, внешнюю и внутреннюю, особенно в ее неосвоенной части и, условно говоря, 2) «еще-пока-не-культуру»: процессы и результаты еще не легитимизированного, не признанного так или иначе, не укорененного в нормах культуры и не внедренного в систему массового сознания и практики, т. е. не ставшего в своей результативной части культурной инновацией.

Таков беглый обобщенный взгляд на феномен, требующий изучения, — поскольку существует и выступает закономерной, типичной чертой и влиятельным фактором коллективного и индивидуального бытия культуры. Проблема УК — это проблема ее истоков (оснований), предметных сфер и видов, духовно-психологических модификаций, социально значимых следствий и способов преодоления.

Список литературы

- Гройс 2003 — Гройс Б. Воля к отдыху // Гройс Б. Комментарии к искусству. М. : Художественный журнал, 2003. С. 51–60.
- Закс 1990 — Закс Л. А. Художественное сознание. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 212 с.
- Закс 2013 — Закс Л. А. Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология : сб. статей. СПб. : Эйдос, 2013. С. 6–23.
- Закс 2016 — Закс Л. А. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Уральская философская школа: 50 лет — 50 имен / под ред. Л. М. Андрухиной, Л. А. Мясниковой, В. А. Лоскутова и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ин-та управления — филиала РАНХиГС, 2016. С. 294–309.
- Кобрин 2020 — Кобрин К. Призраки усталого капитализма (эссе последних лет о политике, искусстве и прочем). М. : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 200 с.
- Моссо 2010 — Моссо А. Усталость: физиологические и психологические аспекты / пер. с итал. М. М. Манасеиной. 2-е изд. М. : Красанд, 2010. 328 с.
- Рассел 2015 — Рассел Б. Завоевание счастья / пер. с англ. А. С. Василенко. М. : Российский писатель, 2015. 160 с.
- Фрейд 2010 — Фрейд З. Неудобства культуры / пер. с нем. Р. Додельцева. СПб. : Азбука-классика, 2010. 192 с.
- Чутко, Козина 2015 — Чутко Л. С., Козина Н. В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. 3-е изд. М. : МЕД-информ, 2015. 256 с.
- Zaks 2017 — Zaks L. A. Cultural-Psychological Origins of the First Avant-Garde: the Tiredness from Culture // Convention 2017 “Modernization and Multiple Modernities” (ISPS Convention 2017), 28–29 April 2017, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin / ed. by E. Stepanova, T. Kruglova. Ekaterinburg : Knowledge E, 2018. P. 32–48.

References

- Chutko, L. S. and Kozina, N. V. (2015), *Sindrom emotsional'nogo vygoraniya. Klinicheskie i psikhologicheskie aspekty* [The Syndrome of Emotional Burnout. Clinical and Psychological Aspects], 3rd ed., MED-inform, Moscow, 256 p. (in Russian).
- Freud, Z. (2010), *Das Unbehagen in der Kultur*, translated by Dodeltsev, R., Azbuka-klassika, Saint-Petersburg, 192 p. (in Russian).
- Grois, B. (2003), "The will to rest", in Grois, B., *Kommentarii k iskusstvu* [Comments on Art], *Khudozhestvennyi zhurnal*, Moscow, pp. 51–60 (in Russian).
- Kobrin, K. (2020), *Prizraki ustalogo kapitalizma (esse poslednikh let o politike, iskusstve i prochem)* [The Ghosts of Tired Capitalism (Recent Essays on Politics, Arts, Etc.)], *Kabinetnyi uchenyi*, Moscow, Ekaterinburg, 200 p. (in Russian).
- Mosso, A. (2010), *La Fatica*, translated by Manaseina, M. M., 2nd ed., Krasand, Moscow, 328 p. (in Russian).
- Russell, B. (2015), *Conquest of Happiness*, translated by Vasilenko, A. S., Rossiiskii pisatel', Moscow, 160 p. (in Russian).
- Zaks, L. A. (1990), *Khudozhestvennoe soznanie* [The Artistic Consciousness], *Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta*, Sverdlovsk, 212 p. (in Russian).
- Zaks, L. A. (2013), "A Society for Creative Activity: The Socio-Organizing Culture as a Foundation for Creativity", in *Institutsional'naya kul'turologiya, sbornik statei* [Institutional Cultural Studies, Collection of Articles], *Eidos*, Saint-Petersburg, pp. 6–23 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2016), "A Society in a Cultural Discourse: To the Problem of 'The Cultural' vs. 'The Social', or Culturology vs. Sociology", in Andryukhina, L. M., Myasnikova, L. A., Loskutov, V. A. and Skorobogatskii, V. V. (eds), *Ural'skaya filosofskaya shkola: 50 let — 50 imen* [The Ural Philosophical School: 50 Years — 50 Names], *Izdatel'stvo Ural'skogo instituta upravleniya — filiala RANKhiGS*, Ekaterinburg, pp. 294–309 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2017), "Cultural-Psychological Origins of the First Avant-Garde: the Tiredness from Culture", in Stepanova, E. and Kruglova, T. (eds), *Convention 2017 "Modernization and Multiple Modernities" (ISPS Convention 2017), 28–29 April 2017, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin*, Knowledge E, Ekaterinburg, pp. 32–48 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 19.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 29.07.2021

Информация об авторе

Закс Лев Абрамович
доктор философских наук, профессор
Гуманитарный университет
620049, Россия, Екатеринбург,
ул. Студенческая, 19
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: rector@guniver.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1219-3404

Information about author

Zaks, Lev Abramovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Liberal Arts University — University
for Humanities
19 Studencheskaya St., Yekaterinburg,
620049 Russia
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: rector@guniver.ru
Author's ORCID: 0000-0003-1219-3404